

ПОСТМУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

АЛЕКСАНДР КУРОПЯТНИК

МАРИНА КУРОПЯТНИК

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Резюме

Постмультикультуральная призма изучения и осознания современности включает в себя ряд сложных теоретических и практических вопросов, сопряжённых с переосмыслением роли национального государства, международной миграции и культурного разнообразия в условиях глобализации. Генеалогия постмультикультурализма в социальном и научном дискурсах представлена: а) в терминах его разрыва с мультикультурализмом; б) в логике преемственности его основных идей и концептов; в) в перспективе сосуществования мультикультурализма и постмультикультурализма. В настоящее время переосмысление концептов мультикультурализма предполагает поиск его обновлённых версий, в том числе и национальных, соответствующих реалиям XXI в., а также его переформулирование как глобального феномена в контекстах возникновения новых паттернов миграции, транснационализации и реконфигурации диаспор. Переход от мультикультурализма к постмультикультурализму создаёт рамки для обсуждения старой и новой миграции, разнообразия и суперразнообразия, отношений между группами иммигрантов как элементами структуры национального общества и диаспорами как социальными агентами, имеющими транснациональную природу. Постмультикультурализм позволяет устанавливать новые взаимосвязи между национальными и транснациональными траекториями развития, с одной стороны, и фокусировать внимание на паттернах репрезентации идентичности иммигрантов как многомерной, гибридной, подвижной – с другой. Возникающая постмультикультуральная перспектива подразумевает как признание культурного разнообразия, так и сохранение коллективной национальной идентичности. Концептуализация культурного разнообразия в терминах «суперразнообразия» и «гиперразнообразия» в постмультикультуральной перспективе сопряжена с переосмыслением концептов культуры и этничности в социологии и социальной антропологии. При этом этничность не рассматривается как фактор, детерминирующий одномерную оценку разнообразия. То, что культура становится глобальной, предполагает перенесение фокуса с реляционного измерения социальной жизни на репрезентации паттернов идентичности и культуры новыми иммигрантами и постиммигрантами в условиях диверсификации глобальной мобильности и транснационализации. Суперразнообразие, ассоциируемое с новой иммиграцией и социокультурным пространством современных мегаполисов, соотносится с постмультикультурализмом.

Ключевые слова:

мультикультурализм; постмультикультурализм; культурное разнообразие; суперразнообразие; иммиграция; транснационализация; глобализация.

В последние два десятилетия социальные, политические и культурные «ландшафты разнообразия» (У. Бек) претерпели существенные трансформации в связи

с появлением новых практик миграции, социальной мобильности, детерриториализации культуры и идентичности, а также качественного изменения процессов транс-

национализации. По мере осознания того, что национальные общества становятся в условиях глобализации обществами иммиграционными, меняется «характер общественных дискурсов, поддерживающих мультикультурализм» [Vertovec 2010: 83]. В фокусе критики оказываются концепции и политики мультикультурализма, сформированные во второй половине XX в., которые способствовали эссенциализации этничности и культуры. Теперь они понимаются как не вполне отвечающие глобализированной реальности. Их переосмысление придаёт новый импульс формированию постмультикультуральной перспективы концептуализации культурного разнообразия. При этом дискурс постмультикультурализма включает в себя концепты «новой миграции», «транснационализации», «глобального мультикультурализма» и «суперразнообразия».

В настоящее время круг основных идей постмультикультурализма ещё только формируется. Однако в социальных науках уже обозначились некоторые подходы к анализу его эвристического потенциала, ориентированного на изучение современных социальных, политических, экономических и культурных изменений в условиях глобализации [Куропятник, Куропятник 2017; Fleras 2015a; Ley 2005; Vertovec 2010]. В этом контексте постмультикультурализм соотносится с новым видением проблем миграции и иммиграции, социальной интеграции, с формированием представлений о социальном единстве и культурных ценностях в странах, как уже имеющих, так ещё только обретающих опыт работы с мультикультуральными ситуациями, программами и политиками. В более широком значении, артикулируемом в истории, социологии, антропологии, экономике и теории международных отношений, постмультикультурализм обретает важное методологическое значение, обусловленное редифиницией в его рамках исторически сложившихся, а также современных конфигураций межкультурных отношений [Hewson 2011: 306], например между Западом и Востоком.

1

В контексте глобализации «расстояние становится нерелевантным, относительным или, по крайней мере, менее значимым» как фактор, разграничивающий государства, общества и культуры [Eriksen 2013: 8]. В этих условиях мультикультурализм, развиваемый в национальных границах, постепенно утрачивает теоретическую ясность и практическое значение, приобретая характеристики фундаментального мировоззрения, всеобъемлющего взгляда на общество [Rubin, Verheul 2009: 8–9]. Несмотря на то что уже в конце XX в. в контексте «ускоренной глобализации» [Nederveen Pieterse 2010: 87] мультикультурализм концептуально заметно отличался от своих первоначальных версий, в новой ситуации как национальный проект он начал выходить из моды [Jansen 2013: 14]. Более того, он стал нежелательным для европейских политиков и общественности, пугающим предостережением о том, что США и американские города — это возможная перспектива развития Европы, где уже сегодня 20–35% населения крупных мегаполисов составляют неевропейцы [Modood 2012: 14–17].

Объёмы миграционных потоков и масштабы перемещений в условиях современности таковы, что социокультурная ситуация в западных обществах всё чаще характеризуется в терминах «суперразнообразия» (super-diversity) или «гиперразнообразия» (hyper-diversity). Суперразнообразие как способ организации и концептуализации разнообразия в глобализированном и детерриториализированном мире соотносится прежде всего с современными мегаполисами — Лондоном, Стокгольмом, Торонто, Нью-Йорком, Амстердамом, в которых, по разным данным, проживают представители нескольких сотен культурных или языковых групп [Cantle 2011: 6; Vertovec 2010: 86].

Изменение отношения к мультикультурализму в последние два десятилетия происходит в двух основных измерениях. Одно из них соотносится с дискурсом «краха мультикультурализма» [Modood 2012: 39–40]

и отвечает национальному уровню осмысления прежних политик в контексте декларируемой невосприимчивости национального государства к внешним влияниям, а также его приверженности историческим моделям интеграции населения. Например, Германия до недавнего времени заявляла, что не является страной иммиграции [Modood 2012: 17]. В Великобритании и Нидерландах имеет место пересмотр и даже отказ от прежних политик и программ мультикультурализма [Banting, Kymlicka 2012: 16]. В этих странах набирают силу тенденции, направленные на преодоление мультикультурной мозаики и взаимной сегрегации культурных групп в пользу их интеграции в национальное общество. В частности, в Нидерландах правительство уже в 1990-х годах стало отказываться от политики поддержки меньшинств. В этой связи в средствах массовой информации, в политических и общественных дискурсах происходит «антииммигрантский и антимультикультуралистский поворот» [Nagga, Peng 2013: 605]. В Германии, Австрии и Швейцарии антимultiкультуралистский дискурс также становится доминирующим [Strasser 2014: 42].

Другая перспектива, на наш взгляд, более важная, направлена на анализ условий, при которых мультикультурализм утрачивает своё первоначальное значение и поиск обновлённых его версий, «более согласующихся со сложной реальностью XXI века» [Fleras 2015a: 84].

Она обозначилась в связи с переосмыслением социальной интеграции культурно разнородного населения в национальное общество. На практике этот процесс протекает не только в пользу принимающего общества, но также и в интересах транснациональных диаспор, старых и новых этнических и культурных сообществ, обретающих вес в контексте глобализации, в реальных и символических пространствах которой пересекаются отдельные сегменты. При этом глобализирующими агентами выступают не государства и нации как таковые, а, скорее, их части, этнокультурные сообщества, отдельные регионы,

диаспоры, трансграничные группы мигрантов [Nederveen Pieterse 2010: 101].

Между тем ряд исследователей отмечают, что многие страны, принявшие политику мультикультурализма и получившие опыт работы с различными культурными, этническими и религиозными группами, успешно справляются с проблемами интеграции иммигрантов. Несмотря на критический политический и общественный дискурс, политика мультикультурализма продолжает осуществляться, в том числе на уровне отдельных программ и мероприятий, введённых в действие в предшествующие десятилетия. Это относится прежде всего к Австралии и Канаде — странам классической иммиграции, а также к Швеции и Великобритании, где мультикультуральные политики, сопряжённые с идеей гражданской интеграции, выступают как добровольные и плюралистические. По этому пути идёт также Финляндия. Таким образом, разрыв с мультикультурализмом, наблюдаемый в ряде стран, не становится доминирующей моделью развития [Banting, Kymlicka 2012: 15–18].

Отступление от мультикультурализма в Европе больше заметно на уровне дискурса (в первую очередь политического), чем реальных практик [Banting, Kymlicka 2012: 5–6]. Именно в сфере политических дебатов сконцентрирована наиболее разрушительная оппозиция ему [Ley 2005: 6]. В то же время академический дискурс мультикультурализма сосредоточен на вопросах растущего разнообразия национальных обществ и возможностях институционального преодоления социальной разобщённости в поликультурных контекстах в интересах социального равенства, интеграции и развития позитивных межгрупповых отношений. Тенденция перехода от преимущественно политического понимания мультикультурализма к его культурным интерпретациям обозначилась в США после террористических актов 11 сентября 2001 г. При этом фокус внимания направлен на устойчивые закономерности репрезентации этого явления в различных культурных нарративах, в том числе в литерату-

ре, фотографии и кино [Rubin, Verheul 2009: 12–16].

В Западной Европе ставятся под сомнение не демократические принципы мультикультурализма, а его потенциал как политики поддержания групповых культурных различий. В этом смысле он вызывает серьёзные возражения у населения. Опасения европейцев по поводу социальной и культурной дезинтеграции национальных обществ растут в связи с тем, что новые волны иммиграции, ассоциируемые с суперразнообразием, практически выведены из-под контроля государственных институтов и развиваются как транснациональные. Именно вследствие этого суперразнообразие рассматривается как источник ситуаций, тягущих многочисленные возможности демонизации «другого» [Cantle 2010: 10], а мультикультурализм трактуется как препятствие на пути интеграции.

Даже в Канаде в дискуссиях о суперразнообразии высказываются сомнения в потенциале ограниченного и управляемого мультикультурализма в национальных границах в условиях всё менее управляемого мира, трансграничных движений, транслокальных связей, разнообразных идентичностей, космополитических устремлений и детерриториализованных способов репрезентации принадлежности [Fleras 2015b: 34]. В работе «Три жизни мультикультурализма» У. Кимлика [Kymlicka 2015: 17–35] указывает на то, что развитие идей канадского мультикультурализма сопряжено с его ориентацией на специфические внутренние проблемы и социальные ситуации в стране. На фоне артикуляции исключительности канадского общества государственная политика мультикультурализма стала рассматриваться даже её активными сторонниками как не отвечающая новым реалиям. Вследствие этого в поле дискуссий возникла идея о том, что, возможно, Оттаве пришло время использовать новый постмультикультуральный подход.

В своём первоначальном варианте, отмечает У. Кимлика, канадский мультикультурализм развивался в логике этнической принадлежности. Это была его первая

жизнь. Вторая жизнь мультикультуральной политики в 1970–1980-х годах была дополнена программами борьбы с радикализмом и расовой дискриминацией. Третья, современная, жизнь рассматриваемого явления определяется тем, что совсем недавно религия была осознана в качестве новой основы социальной самоорганизации в Канаде. Группы, возникающие на основе религиозной принадлежности, ищут своё место в мультикультурном обществе [Kymlicka 2015: 17]. Его вероятное будущее, а также контуры политики Канады будут определяться сохранением четырёх элементов: франко-английского двуязычия; либерализации и прав человека; антирасизма и гражданства Канады.

Как полагает У. Кимлика, переход к постмультикультурализму был бы ошибкой, если бы привёл к отказу хотя бы от одного из этих элементов. Их совокупность обеспечивает прочность идеи гражданства в Канаде в конфигурациях, недостаточно представленных в других странах, но при этом даже в канадском случае являющихся следствием случайности и удачи, а не дальновидного планирования [Kymlicka 2015: 25].

Задача достижения общественной стабильности становится всё менее выполнимой в контексте вовлечённости национальных государств в глобальные экономические, политические, социальные и культурные процессы. В частности, этническая принадлежность как принцип социального группирования, успешно преодолевшийся в Канаде в предыдущие годы, после 11 сентября 2001 г. приобрёл новую популярность в форме мозаичного мультикультурализма. Согласно этому подходу членство в этнической группе определяет идентичность, каждый человек соотносится с этнокультурной традицией либо по рождению, либо по выбору, обязанность укреплять и защищать этнокультуры открывает путь к интеграции, соблюдение принципов толерантности призвано обеспечить мирное сосуществование в обществе [Fleras 2015b: 27]. Между тем в молодёжной среде актуализация этничности вызывает

отрицание мультикультурализма. Например, во втором поколении иммигрантов в Канаде официальный мультикультурализм рассматривается как препятствие для включения в национальное общество и неподходящий ярлык, помещающий детей приезжих в этнические анклав [Fleras, 2015a: 78].

2

Постмультикультуральная перспектива, обозначившаяся в мировой политике, экономике и науке на фоне трагедии 11 сентября 2001 года, сопряжена с тремя важными тенденциями современности. *Во-первых*, мир стал глобальным, более взаимосвязанным и взаимозависимым, чем когда-либо прежде. *Во-вторых*, кризис мультикультурализма охватил весь евроатлантический регион [Jansen 2013: 13], и уже не культуры и «параллельные общества», а религиозный фундаментализм воспринимается в качестве главного вызова западной цивилизации [Nagra, Peng 2013: 604]. И, *в-третьих*, кумулятивный потенциал мировой экономики и культуры, накопленный в условиях нарастающего глобального движения информации, финансов, вещей и людей, стал оказывать решающее влияние на международную политику. Глобальное движение населения привело не только к избытку перемен в современном западном мире, но и к тектоническому сдвигу в европейской политике [Jansen 2013: 14], в которой пересматриваются отношения к многочисленным сообществам иммигрантов. Их присутствие теперь понимается как не вполне соответствующее интересам западного светского общества и угрожающее его социальной сплочённости [Grillo 2008: 15].

Признание текущих изменений институциональных конфигураций национального государства наряду с переоценкой страновых программ и политик мультикультурализма, а также движением в направлении постмультикультурализма, стимулировало освобождение социальной теории от упрощённых схем анализа современных социокультурных процессов. В частности, в рамках постмультикультура-

лизма пересмотр отношения к содержанию и характеру транснациональных миграционных процессов способствовал смещению фокуса с линейных схем интеграции и принуждения к ассимиляции в принимающую культурную, языковую и социальную среду на поиск более тонких диалогических форм баланса совместных интересов и перспектив развития [Fleras 2015a: 65–68; Fleras 2015b: 32].

При этом национальное государство всё чаще рассматривается как политическое и культурное пространство, где национальные версии мультикультурализма уже не создаются [Nederveen Pieterse 2010: 87]. То, что мультикультурализм концептуализируется и переопределяется в более широком социальном и глобальном контексте, подразумевает не только его «высвобождение» (Э. Гидденс) из институциональных объятий национального государства, но и реинтерпретацию «в более широком контексте мировой истории» [Duchesne 2011: 53]. Соответственно, события, происходящие в пределах отдельного государства, могут быть поняты и представлены только при учёте их включённости в систему транснациональных отношений.

Признание вовлечённости мультикультурализма в сложную область глобальных дискурсов и международных отношений, в процессы реконфигурации диаспор и транснационализации придаёт ему импульс обновления, что трактуется некоторыми исследователями в логике его переосмысления [Nagra, Peng 2013: 604], сопряжённого с формированием постмультикультуральной перспективы.

В этом контексте внимание, фокусируемое на отношениях мигрантов и принимающего общества, меньшинства и большинства, уже не отражает существующих реалий, так же как и транснациональные связи больше не ограничиваются отношениями между странами выхода, входа и мигрантами, но пересекают национальные границы и диаспоральные образования на многих континентах. При этом численность некоторых диаспор превышает размеры нации. Например, 73 млн человек ирландского

происхождения в мире, и только 4 млн проживают в Ирландской республике. Из 15 млн евреев только 5 млн – в Израиле. Такое же положение характеризует греков, ливанцев и армян. Таким образом, национальное государство больше не является вместилищем мультикультурализма, который становится глобальным, являя собой один из способов описания мировой культуры [Nederveen Pieterse 2010: 87–88, 102]. Эти тенденции соотносятся с возникающей постмультикультуральной призмой, в рамках которой формируются новые конфигурации национальных и транснациональных отношений.

Э

Дискурс новых форм разнообразия, суперразнообразия или гиперразнообразия, сопрягаемый с постмультикультурализмом, стимулирует переосмысление теории [Modood et al. 2012: 151; Vertovec 2007b: 1027–1028; Vertovec 2010: 83]. Традиционно в социальных науках для описания, концептуализации, а также оценки значимости разнообразия и гомогенности в качестве референтных выступали такие понятия, как культура и общество. Однако эти конструкции среднего уровня, по мнению М. Стрэттерн, больше не представляются релевантными в контексте современных трансформаций, соотносимых с мировой миграцией, культурной креолизацией, международным потреблением и растущим национализмом [Strathern 2004a: 3]. В новых условиях культура становится не только глобальным феноменом [Strathern 2004a: 2] с точки зрения связывания идентичностей, а также манифестации «универсальных форм самосознания» [Strathern 2004b: 157], но и «контекстом контекстов» [Strathern 2004a: 11], представляя собой особое поле формирования смыслов. В свою очередь, концептуализация культуры как глобальной подразумевает смещение фокуса с реляционного измерения социальной жизни на репрезентации устойчивых практик культуры и идентичности мигрантами в условиях глобальной мобильности и транснационализации.

То, что мультикультурализм как проект, ориентированный на признание культурных различий, таил в себе опасность «эссенциализации культуры как достояния этнической группы или расы» [Turner 1993: 412], а также её реификации как самостоятельной сущности, во многом было сопряжено с его приверженностью – по крайней мере в ряде версий – представлять культуры как внутренне гомогенные интегрированные целостности, имеющие стабильные признаки и очерченные пространственные границы.

Подобные подходы нередко оборачивались «мультикультурным дрейфом» (С. Холл), то есть непреднамеренным социальным процессом, сопряжённым с усилением «видимости» групп мигрантов и постмигрантов [Modood et al. 2012: 153]. Не случайно формирование постмультикультуральной призмы, стимулирующей осознание природы разнообразия в меняющихся контекстах современности, связывается С. Вертовеком [Vertovec 2007b: 1026] с идеями культурной сложности и культурных потоков, разрабатываемыми Ф. Бартом и У. Ханнерцом. Новые устойчивые практики идентичности и принадлежности формируются в условиях детерриториализации культуры [Appadurai 1996: 48–53], высвобождения культурных форм и «социальных отношений из местных контекстов взаимодействия и их перестройки в неограниченных пространственно-временных масштабах» [Гидденс 2011: 135]. Соответственно, и в рамках возникающей постмультикультуральной перспективы осмысление «гиперразнообразной реальности новых трансмигрантов» [Fleras 2015a: 67], «разнообразия внутри разнообразия» [Fleras 2015a: 69] подразумевает признание многомерности их культурных характеристик и выхода за пределы фиксированных границ и постоянных локальностей [Fleras 2015a: 67]. Другими словами, движение от мультикультурализма к постмультикультурализму может быть представлено и с точки зрения реконцептуализации культуры – от статичной, гомогенной, сопрягаемой с этническими группами, к артикуляции

идентичности и принадлежности как многомерных, текучих и гибридных в меняющемся, разнообразном и связанном мире [Fleras 2015a: 82].

Теоретические рамки постмультикультурализма формируются в русле переосмысления фундаментальных эпистемологических оснований социологии и социальной антропологии, таких как дихотомизация социокультурного континуума (в том числе и евроцентризма) и контекстуализация знания, которое сопровождается растущей интеллектуальной привлекательностью идей культурной гибридизации и креолизации [Eriksen 2007:153–177; Hannerz 2000: 65–78].

4

Концепция суперразнообразия, предложенная С. Вертовеком [Vertovec 2007b; Vertovec 2010] для осмысления новейших тенденций миграции и социальной мобильности в условиях глобализации, по своему содержанию, обсуждаемым теоретическим и методологическим вопросам относится к тем научным подходам, которые сопрягаются с постмультикультурализмом. С. Вертовок разграничивает иммиграционное и мультикультурное разнообразие, соответствующее по содержанию мультикультурализму, а также суперразнообразия, соотносимое с новыми иммигрантами, постиммигрантами и отвечающее постмультикультуральной перспективе.

Например, в Великобритании мультикультурное разнообразие сформировалось исторически и соотносится с иммигрантскими и этническими меньшинствами, которые представлены довольно многочисленными и хорошо структурированными афро-карибскими и южноазиатскими общинами граждан, родившихся в странах Содружества или в бывших британских колониях. Именно на них, как на граждан страны, после Второй мировой войны была направлена политика британского мультикультурализма, являвшегося продолжением государственного подхода к управлению разнообразием, но уже не в рамках империи, а в формате национального государства.

Суперразнообразие, соотносимое с постмультикультурализмом, представлено С. Вертовеком в соответствии с уровнями, выделяемыми в структуре мультикультурализма, что указывает на сохраняющиеся между ними связи. *Во-первых*, как демографическая характеристика населения Великобритании, изменяющегося в основном за счёт иммиграции. *Во-вторых*, как совокупность социальных и культурных ситуаций, в том числе локальных, формирующихся и развивающихся в контексте глобализации. *В-третьих*, как новое качество населения и способов его социальной вовлечённости в жизнь конкретной страны, которое обусловлено набором переменных:

- особенностей стран происхождения иммигрантов (этничность, языки, религиозные традиции, культурные ценности и практики);

- специфики миграционных каналов (часто имеющих отношение к гендерным потокам, определенным социальным сетям и нишам рынка труда);

- правового статуса (то есть множества категорий, определяющих иерархию доступа к материальным пособиям или их ограничений) [Vertovec 2010: 87].

Новое качество населения и способов его социальной интеграции также обусловлено возможностями сборки этих переменных в рамках тех или иных подходов или задач государственного управления.

В-четвёртых, суперразнообразие сопряжено с артикуляцией особой природы идентичности новых иммигрантов. В глобальном контексте ресурсами её формирования выступают не только культура, но и устойчивые практики группирования, характер отношений между иммигрантами и принимающим населением, усвоенные транснациональные стратегии мобильности и самореализации, способы вовлечённости иммигрантов во взаимодействие с различными социальными институтами, в том числе национальным государством. Одним словом, речь идёт о том, что А. Аппадураи назвал изменением «социального, территориального и культурного

производства групповой идентичности» [Appadurai 1996: 48]. В этой связи особое значение приобретает идея С. Вертовека о необходимости пересмотра отношения к этничности как фактору, детерминирующему одномерную оценку разнообразия [Vertovec 2007b: 1024–1049].

Ситуация суперразнообразия сопряжена с глобальной мобильностью людей, перемещающихся «из большого количества мест через большее количество мест в направлении к большему количеству мест» [Vertovec 2010: 86], а также формирующих множественные «частичные отношения» (М. Стрэттерн) не только с населением принимающих стран, но и со старыми группами иммигрантов.

В этой ситуации не всегда возникают устойчивые практики манифестации идентичности, связывающие новых иммигрантов с принимающими их национальными обществами. Взаимодействие в современных мегаполисах не может быть сведено к алгоритмам межкультурного взаимодействия двух и более групп, а представляет собой значительно более сложную гамму отношений и контактов между множественными агентами социальных ситуаций, обретающих символическую определённость в постоянно изменяющихся социальных и культурных контекстах.

Диверсификация мобильности, возникновение её новых глобальных закономерностей создаёт платформу для понимания управления разнообразием как одного из самых неотложных вызовов XXI века [Fleras 2015a: 65]. Отметим, что постмультикультурализм наряду с монокультурализмом и мультикультурализмом относится к основным моделям управления разнообразием [Fleras 2015a: 68], включающим в себя дискурсы, практики, программы поддержки культуры и идентич-

ности различных групп населения, в том числе мигрантов и меньшинств. При этом постмультикультурализм как принцип и практика управления разнообразием подразумевает множественность траекторий включения в общество, в том числе на индивидуальной основе, и создаёт предпосылки для дифференциальной или гибкой адаптации. В этой логике формируется привычка «жить вместе» в условиях разнообразия [Fleras 2015a: 68], предполагающая осознание и принятие сложившегося положения.

* * *

Переход от мультикультурализма к постмультикультурализму теоретически осмысливается в контекстах новой иммиграции, транснационализации, а также в логике реконфигурации диаспоральных связей. Постмультикультурализм предлагает выход за контекстуальные границы страновых версий мультикультурализма. Он подразумевает концептуализацию и организацию культурного разнообразия в меняющихся контекстах современности, в том числе их перемещение из национального контекста в глобальный. Между тем это только одна из сюжетных линий развития дискурсов постмультикультурализма. В той или иной форме она обнаруживается также и в случае смещения фокуса внимания исследователей и политиков с признания различий, составляющего интеллектуальное ядро концепций мультикультурализма, на концепт разнообразия, ассоциируемый преимущественно с постмультикультурализмом. В этой связи важно подчеркнуть, что отказ от эссенциализации идентичности и артикуляция её множественности содержит в себе потенциал развития и объяснения межкультурного взаимодействия в логике комплементарности.

Список литературы

- Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011. 352 с.
 Куропятник А.И., Куропятник М.С. Постмультикультурализм: некоторые подходы к изучению современных социальных и культурных процессов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 2. С. 145–156.

- Appadurai A.* Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. 229 p.
- Banting K., Kymlicka W.* Is There Really Backlash Against Multiculturalism Policies? New Evidence from Multiculturalism Policy Index. GRITIM Working Papers Series. No 14 (Autumn 2012). Universitat Pompeu Fabra, 2012. 23 p.
- Cantle T.* Cohesion and Integration: From “Multi” to “Inter” Culturalism. Actes du Simposium international sur l’interculturalisme. Dialogue Quebec-Europe. Montreal, May 25–27, 2011. 48 p. URL: www.symposium-interculturalisme.com
- Duchesne R.* The Uniqueness of Western Civilization. Leiden: Brill, 2011. 527p.
- Eriksen T.H.* Creolization in Anthropological Theory and in Mauritius // Creolization: History, Ethnography, Theory / ed. by Ch. Stewart. Walnut creek, CA: Left Coast Press, 2007. P. 153–177.
- Eriksen T.H.* Globalization: the key concepts. London & N.Y.: Bloomsbury, 2013. 174 s.
- Fleras A.* Moving Positively Beyond Multiculturalism. Toward a Postmulticultural Governance of Complex Diversity in a Diversifying Canada // Zeitschrift für Kanada-Studien. 2015a. Vol. 35. P. 63–89.
- Fleras A.* Multicultural Media in a Post-Multicultural Canada? Rethinking Integration // Global Media Journal. 2015b. Vol. 8. No 2. P. 25–47.
- Grillo R.* The Family in Dispute: Insiders and Outsiders // The Family in Question, Immigrant and Ethnic Minorities in Multicultural Europe / ed. by R. Grillo. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2008. P. 15–35.
- Hannerz U.* Transnational Connections. Culture, people, places. London & N.Y.: Routledge, 2000. 201 p.
- Hewson M.* Multicultural vs. Post-Multicultural World History: a Review Essay on the Uniqueness of Western Civilization by Ricardo Duchesne // Cliodynamics. 2012. Vol. 3. P. 306–324.
- Jansen Y.* Secularism, Assimilation and the Crisis of Multiculturalism: French Modernist Legacies. Amsterdam University Press, 2013. 339 p.
- Kymlicka W.* The Three Lives of Multiculturalism // Revisiting Multiculturalism in Canada. Theories, Policies and Debates. Vol. 1. Transnational Migration and Education / ed. by S. Guo, L. Wong. Rotterdam: Sense Publishers, 2015. P. 17–35.
- LeY D.* Post-Multiculturalism? Working Paper № 05-18. Vancouver: Centre of Excellence: Research on Immigration and Integration in Metropolis, 2005. 20 p.
- Modood T.* Post-Immigration “Difference” and Integration: The case of Muslims in Western Europe. A Report Prepared for British Academy. London: British Academy, 2012. 68 p.
- Modood T., Dobbernack J. and Meer N.* Great Britain // Addressing tolerance and diversity discourses in Europe. A Comparative Overview of 16 European Countries / R. Zapata-Barrero, A. Triandafyllidou. Barcelona: Barcelona Center for International Migration, 2012. P. 151–176.
- Nagra B., Peng I.* Has Multiculturalism Really Failed? A Canadian Muslim Perspective // Religions. 2013. Vol. 4. No 4. P. 603–620.
- Nederveen Pieterse J.* Global Multiculturalism, flexible acculturation // Transcience Journal. 2010. Vol. 1. No 1. P. 87–105.
- Rubin D., Verheul J.* Introduction // American Multiculturalism after 9/11 Transatlantic Perspectives / ed. by D. Rubin, J. Verheul. Transatlantic Perspectives. Amsterdam University Press, 2009. P. 7–20.
- Strasser S.* Post-Multikulturalismus and “repressive Autonomie”: sozialanthropologische Perspektiven zur Integrationsdebatte // Kultur, Gesellschaft, Migration. Die reflexive Wende in der Migrationsforschung. Studien zur Migrations- und Integrationspolitik / ed. by B. Nieswand, H. Drotbohn. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2014. S. 41–68.
- Strathern M.* Foreword. Shifting contexts // Shifting contexts: Transformations in Anthropological Knowledge / ed. by M. Strathern. London & N.Y.: Routledge, 2004a. P. 1–11.
- Strathern M.* The nice thing about culture is that everyone has it // Shifting contexts: Transformations in Anthropological Knowledge / ed. by M. Strathern. London & N.Y.: Routledge, 2004b. P. 153–176.
- Turner T.* Anthropology and Multiculturalism: What is Anthropology That Multiculturalists Should Be Mindful of It? // Cultural Anthropology. 1993. Vol. 8(4). P. 411–429.
- Vertovec S.* Circular Migration: the way forward in global policy? IMI Working Papers. No 4. Oxford: International Migration Institute, University of Oxford, 2007a. 9 p.
- Vertovec S.* Super-diversity and its implications // Ethnic and Racial Studies. 2007b. Vol. 30. No 6. P. 1024–1054.
- Vertovec S.* Towards post-multiculturalism? Changing communities, conditions and contexts of diversity // International Social Science Journal. 2010. No 199. P. 83–95.

POST-MULTICULTURALISM AND CULTURAL DIVERSITY IN THE AGE OF GLOBALIZATION

ALEXANDER KUROPJATNIK

MARINA KUROPJATNIK

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

Abstract

Post-multicultural perspective to study and comprehend modernity involves a number of complex theoretical and practical issues associated with redefining the role of the nation state, international migration and cultural diversity in the context of globalization. The genealogy of post-multiculturalism in social and scientific discourse is presented a) in terms of its break with multiculturalism; b) in the logic of continuity of its basic ideas and concepts; c) in the perspective of the coexistence of projects of multiculturalism and post-multiculturalism. At present, the rethinking of the concepts of multiculturalism involves the search for its updated versions, including national ones, corresponding to the realities of the 21st century, as well as its redefinition as a global phenomenon in the context of the emergence of new migration patterns, transnationalization and reconfiguration of diasporas. The transition from multiculturalism to post-multiculturalism creates a framework to discuss old and new migration, diversity and super-diversity, relations between immigrant groups as elements of the structure of the national society and diasporas as social agents of transnational nature. Post-multiculturalism allows to establish new relations between national and transnational development lines, on the one hand, and to focus on patterns of representation of immigrant identity as multidimensional, hybrid and fluid, on the other hand. The emerging post-multicultural perspective implies both the recognition of cultural diversity and the preservation of collective national identity. Conceptualization of cultural diversity in terms of super-diversity or hyper-diversity in the post-multicultural perspective is associated with a rethinking of concepts of culture and ethnicity in sociology and social anthropology. In this case, ethnicity is not considered as a factor that determines a one-dimensional evaluation of diversity. The fact that culture is becoming global, that is, a special context for the formation of meanings, involves shifting the focus from relational dimension of social life to the representation of patterns of identity and culture by immigrants and post-immigrants in the context of diversifying global mobility and transnationalization. Super-diversity associated with the new immigration (S.Vertovec) and social and cultural space of modern megacities correlates with post-multiculturalism.

Keywords:

multiculturalism; post-multiculturalism; cultural diversity; super-diversity; immigration; transnationalization; globalization.

References

- Appadurai A. (1996). *Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 229 p.
- Banting K., Kymlicka W. (2012). *Is There Really Backlash Against Multiculturalism Policies? New Evidence from Multiculturalism Policy Index. GRITIM Working Papers Series*. No 14 (Autumn 2012). Universitat Pompeu Fabra. 23 p.
- Cantle T. (2011). Cohesion and Integration: From "Multi" to "Inter" Culturalism. *Actes du Symposium international sur l'interculturalisme*. Dialogue Quebec-Europe. Montreal, May 25-27. 48 p. URL: www.symposium-interculturalisme.com
- Duchesne R. (2011). *The Uniqueness of Western Civilization*. Leiden: Brill. 527 p.
- Eriksen T.H. (2007). Creolization in Anthropological Theory and in Mauritius. In: Stewart Ch. (ed.) *Creolization: History, Ethnography, Theory*. Walnut creek, CA: Left Coast Press. P. 153-177.
- Eriksen T.H. (2013). *Globalization: the key concepts*. London & N.Y.: Bloomsbury. 174 p.

- Fleras A. (2015a). Moving Positively Beyond Multiculturalism. Toward a Postmulticultural Governance of Complex Diversity in a Diversifying Canada. *Zeitschrift für Kanada-Studien*. Vol. 35. P. 63–89.
- Fleras A. (2015b). Multicultural Media in a Post-Multicultural Canada? Rethinking Integration. *Global Media Journal*. Vol. 8. No 2. P. 25–47.
- Giddens E. (2011). *Posledstviya sovremennosti* [The Consequences of Modernity]. Moscow: Praksis. 352 p.
- Grillo R. (2008). The Family in Dispute: Insiders and Outsiders. In: Grillo R. (ed.) *The Family in Question, Immigrant and Ethnic Minorities in Multicultural Europe*. Amsterdam University Press. P. 15–35.
- Hannerz U. (2000). *Transnational Connections. Culture, people, places*. London & N.Y.: Routledge. 201 p.
- Hewson M. (2012). Multicultural vs. Post-Multicultural World History: a Review Essay on the Uniqueness of Western Civilization by Ricardo Duchesne. *Cliodynamics*. Vol. 3. P. 306-324.
- Jansen Y. (2013). *Secularism, Assimilation and the Crisis of Multiculturalism: French Modernist Legacies*. Amsterdam: Amsterdam University Press. 339 p.
- Kuropatnik A.I., Kuropatnik M.S. (2017). Postmul'ticulturalizm: nekotoryye podkhody k izucheniyu sovremennykh sotsial'nykh i kul'turnykh protsessov [Postmulticulturalism: Some Approaches to the Study of Contemporary Social and Cultural Process]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. Vol. 17. No 2. P. 145–156.
- Kymlicka W. (2015). The Three Lives of Multiculturalism. In: Guo S. and Wong L. (eds.) *Revisiting Multiculturalism in Canada. Theories, Policies and Debates. Vol. 1. Transnational Migration and Education*. Rotterdam: Sense Publishers. P. 17–35.
- Ley D. (2005). *Post-Multiculturalism? Working Paper No 05-18*. Vancouver: Centre of Excellence: Research on Immigration and Integration in Metropolis. 20 p.
- Modood T. (2012). Post-Immigration “Difference” and Integration: The case of Muslims in Western Europe. *A Report Prepared for British Academy*. London: British Academy. 68 p.
- Modood T., Dobbernack J., Meer N. 2012. Great Britain. In: Zapata-Barrero R. and Triandafyllidou A. (eds.) *Addressing tolerance and diversity discourses in Europe. A Comparative Overview of 16 European Countries*. Barcelona: Barcelona Center for International Migration. P. 151-176.
- Nagra B., Peng I. (2013). Has Multiculturalism Really Failed? A Canadian Muslim Perspective. *Religions*. Vol. 4. No 4. P. 603–620.
- Nederveen Pieterse J. (2010). Global Multiculturalism, flexible acculturation. *Transcience Journal*. Vol.1. No 1. P. 87–105.
- Rubin D., Verheul J. (2009). Introduction. In: Rubin D., Verheul J. (eds.) *American Multiculturalism after 9/11. Transatlantic Perspectives*. Amsterdam: Amsterdam University Press. P. 7–20.
- Strasser S. (2014). Post-Multikulturalismus and “repressive Autonomie”: sozialanthropogische Perspektiven zur Integrationsdebatte. In: Nieswand B., Drotbohn H. (Hrsg.) *Kultur, Gesellschaft, Migration. Die reflexive Wende in der Migrationsforschung. Studien zur Migrations- und Integrationspolitik*. Wiesbaden: Springer Fachmedien. S. 41–68.
- Strathern M. (2004a). Foreword. Shifting contexts. In: Strathern M. (ed.) *Shifting contexts: Transformations in Anthropological Knowledge*. London & N.Y.: Routledge. P. 1-11.
- Strathern M. (2004b). The nice thing about culture is that everyone has it. In: Strathern M. (ed.) *Shifting contexts: Transformations in Anthropological Knowledge*. London & N.Y.: Routledge. P. 153–176.
- Turner T. (1993). Anthropology and Multiculturalism: What is Anthropology That Multiculturalists Should Be Mindful of It? *Cultural Anthropology*. Vol. 8(4). P. 411-429.
- Vertovec S. (2007a). Circular Migration: the way forward in global policy? *IMI Working Papers*. No 4. Oxford: International Migration Institute, University of Oxford. 9 p.
- Vertovec S. 2007b. Super-diversity and its implications. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 30. No 6. P. 1024–1054.
- Vertovec S. 2010. Towards post-multiculturalism? Changing communities, conditions and contexts of diversity. *International Social Science Journal*. No 199. P. 83–95.